

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2011 г. Е. Григоренко

На протяжении определенного времени в научной среде преобладало мнение о том, что “третья волна демократизации”¹ в условиях мировой глобализации окончательно приведет ко всеобщему переходу к демократии и демократическим институтам как единственно возможным “правилам игры” в большинстве политий мира. В работе 1991 г. Самюэль Хантингтон сформулировал утверждение, которое как нельзя лучше выражает данную позицию. На основании успехов в процессе перехода к демократическому правлению в 70–80-е годы XX в. утверждалось, что “либерализирующийся авторитаризм не может находиться в устойчивом равновесии. Дом, стоящий на середине дороги (*halfway house*. – Прим. авт.), не устоит”². Иными словами, авторитарные режимы, которые допустили возможность политического плюрализма посредством конкурентных выборов и прочих демократических институтов, неизбежно канут в прошлое, что и произошло, в частности, в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы.

Данные исторические тенденции и основанные на их анализе научные выводы позволили сформулировать теорию демократического транзита как некоего линейного процесса, которому присуща стартовая точка (условно ее можно назвать “недемократией”) и финишная (“демократия”). При этом косвенно утверждалось, что адаптация демократических институтов (выборы, партии, плюрализм в целом) способствует утверждению демократии в странах политического транзита.

ГРИГОРЕНКО Евгений Игоревич, аспирант факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ (grigorenko_ev@mail.ru).

¹ Концепт, введенный в научный оборот С. Хантингтоном, с помощью которого описывается глобальный тренд перехода к демократии нескольких десятков политий по всему миру, начиная с революции 1974 г. в Португалии. Хронологически она была следующей после первой (XIX в.) и второй (1945–1962 гг.) волн демократизации.

² Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, L., 1991. P. 174–175 (цит. по: Brownlee J. *Authoritarianism in an Age of Democratization*. Cambridge University Press. 2007. P. 16).

Сам по себе процесс перехода долгое время рассматривался как временный в отличие от двух “чистых” стадий – авторитаризма и демократии. Тем не менее, ситуация 90-х – начала 2000-х годов заставила исследователей значительно пересмотреть собственную точку зрения по поводу временности “полудемократических/полуавторитарных” режимов. За девять лет с 1996 по 2005 г. в мире появилось всего четыре новых электоральных демократии, а к 2001 г. более пяти десятков стран совмещали демократические выборные практики и методы авторитарного давления³.

Такая ситуация позволила исследователям поместить такие страны “в серую зону” между эксклюзивными автократиями и либеральными демократиями. Появился целый набор классификаций “демократий с прилагательными”, а также “брендинг” подобных режимов как “электоральный авторитаризм”, “соревновательный авторитаризм” и прочее⁴. Главный смысл этих классификаций заключался в признании очевидного факта: многие “переходные” режимы, адаптируя западные демократические институты, не присоединяются к “третьей волне” и не становятся полноценными демократиями, а за счет них консолидируют власть недемократическим образом. При этом имплицитно отвергается и идея “временности” перехода: укрепившись, правящие режимы чувствуют себя вполне комфортно в данном состоянии. На смену положению о временном движении от автократии к демократии пришло понимание того, что “конкурентный авторитаризм” представляет собой вполне устойчивую стадию государственного развития и может являться одной из форм равновесия.

³ См.: Brownlee J. Op. cit.

⁴ См.: Carothers T. *The End of the Transitional Paradigm* // *Journal of Democracy*. 2002. № 13 (1). P. 15–21; Levitsky S., Way L. *The Rise of Competitive Authoritarianism* // *Journal of Democracy*. 2002. № 13 (2). С. 51–65; Schedler A. *The Menu of Manipulation* // *Journal of Democracy*. 2002. 13 (2). P. 36–50 (цит. по: Brownlee J. Op. cit. P. 26).

Дополнительным фактором, влиявшим на успешность демократического транзита, являлись региональные характеристики. Так, именно относительная успешность транзита в странах Южной Америки и бывших социалистических странах Восточной Европы, которые в значительной степени испытывали влияние (социально-экономическое, международное, культурное и т. д.) со стороны США и стран ЕС, сказалась на первоначально положительной оценке результатов процесса демократического перехода на данном этапе. Более того, это позволило ряду исследователей сформулировать теорию о “диффузном распространении демократии среди стран одного региона”⁵.

В то же время страны другого региона – к югу от Сахары (*sub-Saharan countries*) – представляют собой совсем другой пример. Исследователи отмечают⁶, что отход от однопартийной системы и конкурентные выборы не привели к консолидации демократии. Введение “конкурентного авторитаризма” в большинстве случаев привело к укреплению доминантной партии, добавив правящему режиму легитимности как внутри страны, так и за ее пределами.

В рамках настоящей работы будут рассмотрены современные тенденции партийного строительства в регионе, который на данный момент по степени успешности развития демократии ближе к описанным африканским примерам, чем к соседям из ЦВЕ или демократиям Латинской Америки: речь идет о части стран постсоветского пространства. В данном случае за скобки выносятся три страны Прибалтики, которые сразу после обретения независимости приняли повестку евроинтеграции и в компаративном ключе более близки к другим странам Европы. Остальные государства бывшего СССР (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина), несмотря на несомненные различия, прежде всего, в уровнях социально-экономического развития и государственного строительства, на начальных этапах независимого существования

имели и общие черты, определяемые советским прошлым. Поэтому в сравнительной перспективе важным представляется анализ факторов и условий, которые привели к возникновению тех или иных форматов партийных систем 12 стран.

СПЕЦИФИКА ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Рассматривая партийные системы постсоветских политий, важно понимать, что в условиях авторитарного правления партии играют вторичную роль по отношению к правящему режиму. Именно динамика режима может быть определяющей в ситуации, где партии, особенно правящие, являются объектом принятия решений. Это – одна из причин, почему традиционные теории авторитаризма не в полной мере могут быть экстраполированы на страны бывшего СССР. В частности, в одном из значимых исследований на тему падения авторитарных режимов американский политолог, специалист по политическим институтам и структурным преобразованиям Барбара Геддес установила прочную связь между типом недемократичного правления и вероятностью его коллапса⁷. По ее мнению, партийные автократии (гегемонистические и однопартийные системы) “более жизнеспособны по сравнению с двумя другими типами автократий – милитаристскими режимами и персоналистскими диктатурами...”⁸. Таким образом, хотя автор и выделяет переходные варианты, главный акцент она делает на трех “чистых” типах авторитарного правления, один из которых – партийное доминирование, – в соответствии с ее анализом, является наиболее жизнеспособным.

На постсоветском пространстве ввиду низкого уровня институционализации партий и их слабой роли на политической сцене выбор в пользу политической партии как основного механизма поддержания власти правящим режимом, особенно на начальных стадиях политической трансформации, был маловероятен. Политический персонализм был и остается краеугольным камнем постсоветской политики.

Тем не менее, на протяжении 90-х годов в целом ряде стран предпринимались попытки создания “партий власти”. Эти организации были задуманы исполнительной властью как собственные

⁵ Greene K. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // *Comparative Political Science*. 2010. № 43. P. 816.

⁶ См.: Bogaards M. Counting Parties and Identifying Dominant Party System in Africa // *European Journal of Political Research*. 2004. № 43; Bogaards M. Dominant Party Systems and Electoral Volatility in Africa: a Comment on Mozaffar and Scarritt // *Party Politics*. 2008. V. 14. № 1; Ishiyama J., Quinn J.J. African Phoenix? Explaining the Electoral Performance of the Formerly Dominant Parties in Africa // *Party Politics*. 2006. V. 12. № 3. P. 317–340.

⁷ См.: Brownlee J. Op. cit. P. 28.

⁸ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. Cambridge University Press, 2006. P. 14; Geddes B. Authoritarian Breakdown. Department of Political Science, UCLA. 2004. P. 26.

базы поддержки в парламентах⁹. Несмотря на в целом неудачные попытки создания подобных партий в России (Выбор России, Наш Дом – Россия), Украине (Народно-демократическая партия Украины, Блок “За ЕДУ!”) и других странах, данная тенденция демонстрирует также различие в путях формирования доминантных партий в бывшем СССР и ряде других регионов мира, где «случаев создания специальных “партий власти” для мобилизации населения и обеспечения контроля за законодательной властью немного»¹⁰.

Причин неудачи в формировании “партий власти” было несколько. Во-первых, консолидация партийных систем стран происходила вместе с консолидацией политического режима, что требовало решения определенных проблем. Для правящих режимов постсоветских стран главными “проблемными полями” стали межэлитные конфликты и экономические вызовы. Последние были связаны с тяжелой экономической ситуацией, в которой оказались страны после распада Советского Союза. Теория ретроспективного экономического голосования¹¹ предполагает, что правящий режим обречен на непопулярность в эпоху экономического кризиса. Тем не менее большинству режимов удалось удержаться у власти, несмотря на серьезные угрозы со стороны оппозиции (в качестве таковых в разных странах выступали коммунисты, исламисты и др.). Важным для поддержания устойчивости режима было и разрешение/смягчение базовых социальных и межэлитных конфликтов. В научной литературе, рассматривающей особенности авторитарного правления, существует мнение, что наиболее эффективным способом разрешения конфликта является создание правящей партии, которая “связывает элиты вместе”, маргинализируя и блокируя оппозицию от власти, что, в конечном итоге, и обеспечивает устойчивость режима¹². Однако для постсоветских режимов более характерным было создание неформальных коалиций, “партий власти” в более широком смысле, как союза сторонников правящего режима.

Еще одной причиной, по которой “партии власти” терпели неудачу и ставка делалась на неин-

ституционализированные практики, была неразрешенность “проблемы взаимного инвестирования ресурсов” (“*bilateral commitment problem*”)¹³. Последняя заключается в том, что для создания партии, которая объединяла бы правящий режим и прочие элиты, необходим отказ от части собственных ресурсов (с обеих сторон) и инвестирование их в новое политическое образование, потеря частичной независимости (в первую очередь, со стороны региональных, бизнес- и прочих элит) и ряд других уступок. В то же время появление сильной “партии власти” означает для правящего режима возможность создания собственной базы поддержки в парламенте, а для элит, которые инвестировали в партию собственные ресурсы, появление большей политической определенности и доступ к политической ренте, которую им обеспечивает правящий режим¹⁴.

Также нежелание правящего режима серьезно инвестировать в партийный проект обуславливалось наличием альтернативной стратегии создания ситуативных коалиций для решения отдельных вопросов. Конечно, в ряде случаев это была вынужденная мера ввиду отсутствия у правящего режима собственной сильной фракции, однако использование альтернативной стратегии позволяло избежать издержек, которые могли возникнуть при создании “партии власти”.

Наличие данных проблем и условий препятствовало формированию полноценных доминантных правящих партий, имевших представительство в национальных парламентах. Однако в 2000-е годы ряду политических режимов удалось получить доступ к необходимому количеству ресурсов и с помощью кооптации и/или принуждения прочих элит создать “партии власти” (или усилить уже имеющиеся), которые могли бы служить серьезным механизмом в руках исполнительной власти. Однако в другой части стран доминантный формат партийной системы во главе с “партией власти” так и не сложился. Фокусированный анализ партийных систем постсоветских республик позволит более точно определить тренды их развития.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ

Как уже отмечалось выше, при анализе динамики развития партийных систем рассматриваемых стран важен учет характеристик и генезиса

⁹ См.: Лихтенштейн А. “Партии власти”: электоральные стратегии российских элит / Второй электоральный цикл в России 1999–2000. Ред. В. Гельман, Г. Голосов, Е. Мелешкина. М., 2002. С.86.

¹⁰ Мелешикина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. 2006. № 1. С. 145.

¹¹ См., например: Magaloni B. Op. Cit.

¹² См.: Brownlee J. Op. cit. С. 35–36; Smith B. Life of the Party: The Origin of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule // World Politics. 2005. № 57. P. 432.

¹³ См.: Reuter O.J., Remington T.F. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. V. 42. № 4. P. 501–526.

¹⁴ См.: ibid. P. 506–512.

соответствующих режимов. Оценки *Freedom House* последних лет показывают, что лишь две страны (Молдову, Украину) можно отнести к “электоральным демократиям”, еще одна страна (Грузия) была исключена из этого списка лишь недавно, а еще 9 режимов последовательно относятся к автократиям.

В данном случае примечателен тот факт, что к демократиям относятся именно те два режима, каждый из которых институционально не является президентским. Безусловно, это подтверждает негативное влияние президентализма на консолидацию демократии¹⁵, однако еще более важны для определения характеристик режима констелляции и соотношения элитных сил. Так, В. Гельман вслед за Т. Карозерсом утверждал, что на постсоветском пространстве можно говорить о наличии двух моделей – “доминирующей власти” и “бесформенного плюрализма”¹⁶. Политическая история постсоветских государств показывает, что именно отсутствие контрольного пакета ресурсов в руках одной из групп элит является первоочередным фактором, позволяющим относить две упомянутые страны к “электоральным демократиям”, а также во многом определяющим при выборе “институционального дизайна”.

Важным индикатором развития партийной системы является ее место в более широком контексте политической системы. Для демократий определяющей будет возможность политических партий влиять на состав правительства. В этом смысле выбор в пользу парламентских форм правления повышает роль партий в сравнении с ситуацией президентских систем. Для авторитарных систем, где электоральная ротация власти не предполагается, даже учитывая в целом низкую роль партий, межстрановые различия все же существуют. Под ролью партийной системы и возможностью партий влиять на проводимую политику при построении типологии постсоветских партийных систем стоит понимать, во-первых, ставку инкумбента (политического режима) на “партию власти” как доминантную стратегию влияния в легислатуре. Во-вторых, нужно учитывать и степень успешности реализации данной стратегии, – то есть там, где “партия власти” будет занимать доминантное положение в легислатуре (более 50% мест), роль/потенциал партий рассматриваются как высокие, поскольку

партийная политика представляется релевантной областью для инкумбента.

Таким образом, в настоящем исследовании предлагается система двумерного шкалирования партийных систем постсоветских государств. *Степень консолидации элит под властью инкумбента* определяет положение партийных систем на первой оси. *Роль/потенциал правящей партии* (в политической системе или в качестве элемента стратегии доминирования правящего режима) является вторым важным измерением при определении места партийной системы в предлагаемой классификации.

Данная схема позволяет структурировать представление о партийных системах постсоветских стран и выделить основные типы, к которым они относятся.

Так, в правом верхнем измерении располагаются партийные системы, которые можно обозначить как “доминантные”¹⁷. Эта категория не однородна. К ней относятся, во-первых, *доминантные авторитарные партийные системы* Азербайджана, Казахстана и России. В качестве критериев принадлежности к указанной группе в данной работе используются два числовых показателя: количество мест в легислатуре и период доминирования. Несмотря на различие существующих позиций по этому вопросу¹⁸, автор считает, что 50% плюс одно место в легислатуре является естественным показателем большинства. Второй же показатель – победа как минимум на двух последовательных выборах, – с одной стороны, уменьшает фактор случайности, с другой, не позволяет исключить из анализа целый ряд стран в случае применения более жесткого временного критерия.

В этом же измерении представлены *протодоминантные партийные системы*, к которым относится, в частности, армянский случай. В этой ситуации можно согласиться с мнением ряда авторов¹⁹ о том, что при определении типа пар-

¹⁵ См., например: *Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge, 1992.*

¹⁶ См.: *Гельман В. Уроки украинского // Полис. 2005. № 1 С. 36–49.*

¹⁷ Классификация в данном исследовании основана на более ранних работах, предложенных, в частности, Дж. Сартори (см.: *Sartori D. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976.* Цит. по: *Bogaards M. Counting Parties and Identifying Dominant Party System in Africa. P. 178*), а также на личных разработках автора.

¹⁸ См.: *Greene K. Op. cit. P. 809–811; Bogaards M., Boucek F. Dominant Political Parties and Democracy: Concepts, Measures, Cases and Comparisons. N.Y., 2009.*

¹⁹ В частности, на это указывает в своей типологии партийных систем Дж. Сартори (см.: *Sartori D. Op. Cit.*), а также ряд более поздних исследований (см., например: *Bogaards M. Counting Parties and Identifying Dominant Party System in Africa*).

тийной системы надо смотреть не только на формат (то есть числовые показатели), но и учитывать динамику системы. Поэтому, хотя может показаться, что формат армянской партийной системы близок к украинскому или молдавскому, постепенное структурирование партийной системы вокруг правящей Республиканской партии и ее постепенное усиление позволяют говорить о движении в сторону доминантной системы. В то же время ее недостаточная сила на данный момент и сохраняющееся значение оппозиции не дают основания относить ее к “чистому” доминантному типу.

Грузинский случай также имеет свою специфику. По всем трем показателям (двукратная победа на выборах, более 50% мест в парламенте и существование в рамках авторитарного режима) партийную систему Грузии, основным элементом которой является Единое национальное движение (ЕНД), можно отнести к типу доминантных авторитарных партийных систем. Тем не менее более внимательный анализ ее природы не позволяет идентифицировать ее подобным образом. Как внутренняя динамика режима М. Саакашвили, так и влияние внешних факторов не дают возможности провести полную консолидацию режима по авторитарному пути, хотя безусловные тенденции в этом направлении и существуют, что подтверждается показателем *Freedom House*. Тем не менее сохраняется влияние оппозиции, особенно на внепарламентском уровне. И еще одним фактором является то, что в отличие от Азербайджана и России, в Грузии не было примеров перехода власти от одной фигуры, поддерживаемой ЕНД, к другой. Это не позволяет легко определить роль правящей партии и ответить на вопрос, является ли ЕНД доминантной партией или же президентским проектом, который завершится вместе с окончанием второго срока его полномочий. Именно поэтому грузинский случай с некоторой долей допущения можно отнести к *протодоминантным партийным системам*, учитывая ее нынешний доминантный формат и исторический опыт наличия доминантной партии в Грузии (Союз граждан Грузии времен Э. Шеварнадзе). В то же время выявление данных тенденций позволяет располагать грузинский случай ближе к группе “доминантных партийных систем”, чем армянский, на нашей условной оси (см. рис.).

Партийные системы Украины и Молдовы относятся к *недоминантным*. Несмотря на уже отмеченное отсутствие президентской системы правления и консолидации элит в этих странах, исторически инкубенты все же пытались использовать стратегию создания доминантных

Рис. Типологизация постсоветских доминантных систем

партий. Успехи различались – от относительной успешности создания баз поддержки президента на Украине (НДП, блок “За ЕДУ!”) до доминирования коммунистов в Молдове. Однако настоящий этап скорее показывает, что доминантная система органически не соответствует тем страновым условиям, которые влияют на формирование партийных систем (они будут подробнее проанализированы ниже).

Антиподом партийных систем в постсоветских странах (где партии определяют состав правительства и конкуренция элит высока), являются *неконкурентные партийные системы*. Партийные системы Белоруссии и Туркменистана, которые относятся к данному типу, не обладают в полной мере характеристиками, присущими системам как таковым. Так, в Туркменистане Демократическая партия, которая была образована в 1991 г. на основе Коммунистической партии, и де-факто и де-юре является единственной легальной партией, фактически переводя всю систему в разряд однопартийных. В Белоруссии по результатам выборов 2008 г. из 110 избранных депутатов лишь восемь представляют две политические партии, при этом в законодательстве нет ни одного представителя оппозиции²⁰. В Узбекистане президент И. Каримов проводит более тонкую политику “партийной настройки”: в стране сформирован пул из четырех–пяти зарегистрированных партий, которые хотя и имитируют многопартийность, но при этом поддерживают президента страны. Все оппозиционные партии или лишились регистрации, или изначально были ее лишены. Таким образом, несмотря на разницу форматов, анализ природы партийных систем обозначенно-

²⁰ Беларусь. Парламентские выборы, 28 сентября 2008 г. Итоговый отчет Миссии БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. Варшава, 2008. С. 38.

го типа показывает, что партии являются иррелевантными в качестве как коллективных акторов, так и элементов стратегий по поддержанию власти инкумбентов²¹.

Наконец, пример Кыргызстана демонстрирует *неструктурированную партийную систему*. Бывший президент страны К. Бакиев взял курс на построение доминантной партийной системы, когда в 2007 г. правящая партия получила почти 80% мест в парламенте. Однако события 2010 г., в результате которых президенту пришлось покинуть республику, оставили вопрос о будущем партийной системы страны открытым.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕТЕРМИНАНТ ГЕНЕЗИСА ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

В настоящем исследовании важным является определение не только типов партийных систем, сложившихся в странах постсоветского пространства, но и тех причин и факторов, которые влияют на их формирование.

В мировой политической науке, несмотря на наличие классических теорий о детерминантах партийного системообразования, отсутствует единый консенсус по поводу того, какие из них считать магистральными. В данной работе автор частично применяет методы ряда исследований к реалиям изучаемых стран. В частности, используется статья Дж. Ишиямы и Дж. Куинна, предлагающих свое объяснение электоральных результатов ранее доминантных партий в африканских странах²², а также К. Грина, который анализирует политическую экономику авторитарного доминирования²³.

В них авторы предлагают набор определяющих факторов (независимых переменных), которые оказывают влияние на результат доминантной партии (зависимая переменная). В данной работе рассматривается влияние следующих факторов на партийное системообразование в постсоветских странах: ресурсная асимметрия, репрессии, экономическое/ретроспективное голосование, эффект модернизации, этнолингвистическая фракционализация и эффект электоральной системы.

Отличие подхода автора статьи от подходов авторов вышеозначенных работ заключается в том, что последние на основе числовых данных пере-

ходят к этапу регрессионного анализа. Настоящая работа не предполагает этого по ряду причин, в числе которых и то, что не все изучаемые системы являются доминантными (в отличие от случаев, рассмотренных в двух указанных работах), по целому ряду стран отсутствуют данные, и число случаев довольно мало. Тем не менее разница исследовательских техник не препятствует фокусированному изучению обозначенных доминант применительно к изучаемым странам.

РЕСУРСНАЯ АСИММЕТРИЯ

Выстраивая собственную теорию партийного доминирования, К. Грин указывает на то, что существует определенная асимметрия в распределении ресурсов и издержек на партийном поле. В упомянутой статье он отмечает, что когда “коррупцированная бюрократия имеет доступ к государственным финансам, возможности для патронажа возрастают вместе с ростом доли государственного сектора”²⁴. Аналогично в качестве независимой переменной, влияющей на результат ранее правящей партии и формат партийной системы в целом, Дж. Ишияма и Дж. Куинн принимают размер государственной собственности: чем он выше, тем больше возможностей у инкумбента использовать патронажные каналы для покупки голосов²⁵.

Таким образом, вслед за К. Грином автор данной работы обращает внимание на два фактора: уровень государственного участия в экономике (количество ресурсов) и уровень коррупционности бюрократии (возможность их эксплуатации).

Индексы, приведенные в таблице, в целом подтверждают высказанную гипотезу. Все страны за исключением Грузии, проводящей, пожалуй, самую интенсивную антикоррупционную кампанию на постсоветском пространстве, входят в первую треть списка как страны с самой коррупцированной бюрократией. Особо выделяются две страны, которые характеризуются наличием *неконкурентных партийных систем* (Туркменистан и Узбекистан), и Кыргызстан.

Показатель “влияние государства на экономику” имеет не столь очевидное влияние на тип партийной системы. В данном случае гипотеза о том, что экономика с меньшей долей государственного участия способствует генерированию более конкурентной системы, не совсем верно. Наименьшее участие государства заметно в странах с *протодоминантными партийными системами*

²¹ Лишь в Узбекистане партийная система имеет сколько-нибудь важное значение, но и здесь нет ни одной значимой партии, которая могла претендовать на роль “правящей”, а не “управляемой”.

²² См.: *Ishiyama J., Quinn J.J.* Op. cit. P. 317–340.

²³ См.: *Greene K.* Op. cit.

²⁴ Ibid. P. 814.

²⁵ См.: *Ishiyama J., Quinn J.J.* Op. cit. P. 328.

(Армения и Грузия). Страны с доминантными авторитарными партийными системами, хотя и имеют довольно высокие показатели (от 49 места в Казахстане до 82 в Азербайджане – см. табл.), все-таки уступают государствам с недоминантными партийными системами (Украина и Молдова). Но здесь надо отметить, что в целом ряде стран, где теоретически стоит ожидать высокого государственного участия в экономике, данные отсутствуют.

Таким образом, теория ресурсной асимметрии, по крайней мере, с точки зрения рассмотрения формальных индексов, подтверждается в отношении исследуемых стран лишь отчасти. Страны с высоким государственным участием в экономике и высоким уровнем коррупции чаще имеют более авторитарные режимы, стремящиеся монополизировать партийную поле (или же не развивать систему партий вовсе). В целом, можно предположить, что верно и довольно распространенное мнение о негативном влиянии “нефтяного проклятия” на развитие плюрализма. Такие страны как Азербайджан, Казахстан, Россия, Туркменистан и Узбекистан имеют довольно высокие показатели коррупции и вмешательства государства в экономику, что дает инкумбентам дополнительные ресурсы и возможности для партийной монополизации.

В то же время страны, которые имеют конкурентные партийные системы, также характеризуются довольно высоким уровнем коррупции и участием государства в экономике. Именно поэтому важным в данном случае является изучение структур политических элит, системы элитных сдержек и противовесов, что, в конечном итоге, определяет возможность правящего режима ограничивать права оппозиции.

Влияние репрессий на уровень поддержки правящей партии очевидно: издержки электоральной активности и развития оппозиционных партий выше в ситуации, когда уровень гражданских свобод низок (и наоборот)²⁶.

Для нашей выборки стран гипотеза о том, что условия политического плюрализма и свобод благоприятствуют развитию конкурентных партийных систем, полностью подтверждается. Страны с недоминантными и протодоминантными партийными системами относятся к свободным (Украина с показателем “2”) или частично свободным (Армения, Грузия, Молдова с показателем “4”); авторитарные доминантные партийные системы можно обнаружить в несвободных странах

по типологии *Freedom House* (три страны с показателем “5”); наконец, страны с неконкурентными партийными системами имеют экстремально высокие показатели несвободы (“6” и “7”).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ И ВЛИЯНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модель ретроспективного экономического голосования предполагает, что избиратели, обладая пессимистическими оценками будущего, наказывают инкумбента за рецессию в экономике²⁷. Дополнением к этой теории является гипотеза модернизации, которая предполагает, что на более высоких уровнях развития (в данном исследовании выражается посредством показателя ВВП на душу населения) экономические успехи оказывают менее сильное влияние на поддержку правящей партии, чем на более высоком²⁸.

К сожалению, неоднородность данных²⁹ не позволяет проводить прямое сравнение случаев. Однако стоит отметить, что большинство выборов 2000-х прошли на фоне благоприятной макроэкономической ситуации, поэтому для многих исследуемых стран были характерны высокие темпы роста ВВП и средний или высокий уровень инфляции, стимулируемой высоким уровнем государственных и потребительских расходов.

В данном случае исключения являются показательными. Так, в Кыргызстане, стране с минимальными экономическими показателями (которые, в том числе, были обусловлены последствиями смены режима и общей неустойчивости) выборы 2007 г. привели к победе пропрезидентской партии Ак Жол. Однако в свою очередь неспособность перейти к устойчивому развитию экономики страны внесла свой вклад в падение режима бывшего президента³⁰.

Здесь стоит остановиться на более широком толковании понятия “экономического голосования”: Б. Магалони, ссылаясь на работы ряда других исследователей³¹, говорит о двух типах голосования. Так, избиратели могут выбирать модель голосования “крестьян”, которые оценивают инкумбента прежде всего на основании полученных ранее благ в виде трансфертов и экономической

²⁷ См.: *Magaloni B.* Op. cit. P. 153.

²⁸ См.: *Greene K.* Op. cit. P. 816.

²⁹ Данные в таблице связаны с годами проведения выборов, таким образом, разница может достигать пять лет.

³⁰ Хотя данный пример и не является в полной мере показательным ввиду того, что поражение произошло не на электоральном поле.

³¹ См.: *Magaloni B.* Op. cit. P. 153–154.

²⁶ См.: *Greene K.* Op. cit. P. 815.

стабильности (ретроспективная модель, более характерна для не- и малообеспеченных слоев населения). Другая часть избирателей оценивает инкумбента с позиции “банкиров”, то есть могут голосовать за нее даже в период экономической нестабильности, предполагая, что именно правящая партия имеет наибольшие шансы обеспечить будущий рост (перспективная модель, более характерна для высокодоходных групп и среднего класса). Такая коррекция модели экономического голосования помогает объяснить победу инкумбента в эпоху экономического спада и его поражение в период стабильности и роста.

Стоит предположить, что данный подход отчасти объясняет и относительную устойчивость режимов и партийных систем в постсоветских странах на фоне экономической нестабильности конца 2000-х годов. Каждый раз при голосовании в такие периоды избиратель находится перед стратегическим выбором: стоит ли проголосовать за уже известную правящую партию, которая ассоциировалась ранее с экономическим ростом, или же сделать выбор в пользу партии, которая обещает улучшить текущую негативную ситуацию, но которая (никогда) не была у власти.

Однако решение проблемы стратегического выбора в пользу инкумбента большинством избирателей для двух стран с двумя типами партийных систем в нашей выборке – *авторитарных доминантных* и *неконкурентных* – лишь отчасти объясняет их устойчивое положение в неблагоприятных экономических условиях. Поддержка инкумбента и правящей партии за “былые заслуги” в данном случае дополняется ограничением конкурентного поля, что и можно проследить на основании уже обозначенных индексов гражданских свобод.

Дополнительным фактом в пользу этого становятся примеры стран, где уровень подобных ограничений минимален. Так, в Молдове на выборах 2009 г. ранее правящая коммунистическая партия утратила власть, а в Украине на президентских выборах 2010 г. бывший премьер-министр и лидер “прозападных сил” Ю. Тимошенко также потерпела поражение.

Таким образом, экономическое развитие определяет несколько векторов развития партийных систем в постсоветских государствах. В слабо развитых странах, где инкумбент не смог продемонстрировать способность обеспечить устойчивый рост, в условиях ухудшения экономического положения правящая партия теряет власть (хотя и не на электоральном поле – пример революции в Кыргызстане в 2010 г. и последующий роспуск

“доминантной” партии Ак Жол). В странах, где устойчивость режима во многом была обеспечена средними и высокими темпами развития экономики и где существуют серьезные электоральные ограничения, правящие партии имеют возможность сохранить власть (Узбекистан в 2009 г., Таджикистан в 2010 г.). В странах, которые затронул кризис и где уровень ограничений ниже, модель ретроспективного экономического голосования оправдывает себя: правящие политики и партии теряют власть, что способствует развитию более конкурентной партийной системы.

ЭФФЕКТ СОЦИЕТАЛЬНЫХ РАСКОЛОВ

Дж. Ишияма и Дж. Куинн в своей работе говорят о том, что в африканских полициях доминантные партии имеют более высокие шансы в более гетерогенных сообществах ввиду того что оппозиция раздроблена, а наиболее крупные этносы, которые имеют собственные политические организации, находятся в более выигрышном положении ввиду наличия уже налаженных сетевых связей³². Однако гипотеза К. Гринна кажется более обоснованной: хотя и можно говорить о негативном влиянии “расколотого” общества на координацию оппозиционных сил, однако ввиду того, что наиболее крупная этническая группа чаще всего ассоциируется с доминантной (правящей) партией, именно менее расколотые общества имеют тенденцию к появлению доминантной партийной системы³³. Аргумент К. Гринна перекликается с позицией А. Лейпхарда, который говорил об отсутствии доминирующего этнического сегмента и сегментов равной величины как о двух факторах, благоприятствующих развитию консociативной демократии³⁴. Таким образом, можно предположить, что чем более расколото общество, тем большее количество партий будут являться релевантными на партийном поле.

Для операционализации уровня гетерогенности общества используется общепринятый индекс этнолингвистической фракционализации³⁵.

³² См.: *Ishiyama J., Quinn J.J.* Op. cit. P. 329.

³³ См.: *Greene K.* Op. cit. P. 815–816.

³⁴ См.: *Lijphart A.* Power-Sharing in South Africa. Berkeley: Institute of International Studies, 1985 (цит. по: *Bogaards M.* Power-Sharing in South Africa: the ANC as a Consociational Party? / Working paper. Conference, 8–10 November 2002. University of Western Ontario, Canada P. 7).

³⁵ Один из наиболее авторитетных индексов, который измеряет гетерогенность/однородность сообщества на основе долей этнических/религиозных/языковых групп, входящих в него. Его преимуществом является возможность квантификации показателя, а соответственно, и его использования в сравнительных исследованиях.

В отличие от целого ряда стран, где соотношение различных групп общества весьма устойчиво, для постсоветского пространства на протяжении последних 20 лет характерна достаточно серьезная динамика. В частности, в большинстве случаев это выразилось в повышении удельного веса титульной этнической группы в силу миграционных процессов (эмиграция русского населения), высоких темпов рождаемости (республики Средней Азии), военных конфликтов (Армения, Азербайджан) и т.д. Вместе с этим повысилась и лингвистическая гомогенность. Возросла и роль религии, особенно в странах с преимущественно мусульманским населением.

Все эти показатели оказывают серьезное влияние на партийное поле страны и структуру голосования. Так, для Казахстана важным остается значительная доля русского населения, особенно в северных районах и крупных городах. При этом география голосования показывает, что поддержка правящей партии Нур Отан в Алма-Ате и Астане значительно ниже, чем в среднем по стране. В Таджикистане легально действует единственная на постсоветском пространстве мусульманская Партия исламского возрождения Таджикистана, которая является одной из старейших оппозиционных сил. Тем не менее данные расколы не препятствуют развитию партийных систем с доминантными партиями.

Другой представляется ситуация в Кыргызстане, где происходит “наложение” нескольких расколов. Во-первых, это традиционное противостояние северной и южной элит, а, во-вторых, наличие значительного узбекского меньшинства. Оба данных фактора имели свои последствия в момент смены власти в стране в начале 2010 г. и, можно предположить, с высокой долей определенности продолжат играть свою роль в развитии политической и партийной систем страны в дальнейшем.

Как и в случае с рядом других независимых переменных, эффект гетерогенности общества сильнее других проявляется в двух наиболее конкурентных партийных системах – в Украине и Молдове. “Идентификационный кризис”³⁶ в Молдове заключается в том, что крупнейший этнос распадается на две группы – “румын” и “молдаван”, а значительному меньшинству (русские, украинцы, гагаузы) остается позиционировать себя как “русскоязычные”. На протяжении всей

постсоветской истории данные расколы имеют значительное влияние на структуру поддержки партий и на партийную систему, в целом. Именно гетерогенность социума влияет на то, что ни одна из групп не обладает властной монополией. Последний раз маятник качнулся в сторону коалиции прорумынских/прозападных политических сил, которые смогли одержать победу над “традиционалистами” – коммунистами.

В Украине политический конфликт также является естественным продолжением этнолингвистического раскола. Традиционно часть западных регионов страны с максимальной долей украиноязычного населения поддерживают национал-демократические партии; в то же время русскоговорящий юго-восток страны поддерживает пророссийских кандидатов. Несмотря на значительную мозаичность системы партий в Украине, именно конфликт между лидерами двух вышеозначенных сегментов общества являлся и продолжает оставаться ключевым для всей постсоветской истории страны.

В то же время, в целом ряде стран, где имеются потенциальные предпосылки для конкурентирования элит, представляющих ту или иную группу общества, данные тенденции не столь очевидны. В Узбекистане и Туркменистане, равно как и в уже упомянутых Казахстане и Таджикистане, этнолингвистические конфликты “заморожены”, причем в данном случае очевидны целенаправленные действия инкубентов. Повышая инклюзивность режимов, используя правящие партии как основную площадку для строительства элитных коалиций и применяя выборочные репрессии по отношению к “вышедшим” оппозиционерам, правящие режимы таким образом снижают возможность прямой проекции реальной картины общества на партийную систему страны, тем самым страхуя себя от возможной политической неопределенности.

ЭФФЕКТ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Одним из важнейших факторов, влияющих на партийную систему страны, является электоральная система. В рамках данной работы используется показатель среднего размера округа³⁷ для нижней (или единственной) палаты законодательной власти. Влияние данного показателя неоднозначно: с од-

³⁶ Боцан М. Многопартийность в Республике Молдова: энтропия развития // Политическая наука. 2006. № 1. С. 177–178.

³⁷ Средний показатель размера округа (*mean district magnitude*) представляет собой результат от деления количества мест в законодательной власти на количество округов. В случае, если используется смешанная система, каждая часть “взвешивается” в зависимости от доли в общем количестве мест.

ной стороны, увеличение среднего размера округа снижает барьер для прохождения в парламент, и у оппозиции появляются дополнительные шансы; с другой стороны, повышение шансов приводит к снижению стимулов для координации усилий оппозиционных партий и “стратегического голосования”³⁸, что, в свою очередь, снижает уровень поддержки крупнейшей оппозиционной партии³⁹ (голоса оппозиционного электората “распыляются”).

Неоднозначным представляется данный показатель и для рассматриваемой выборки. Так, из пяти стран, которые выбрали пропорциональную электоральную систему на последних выборах, две (Молдова и Украина) имеют *недоминантную партийную систему*, еще в трех (Казахстан, Кыргызстан и Россия) сразу после выборов сформировались *авторитарные доминантные партийные системы*, что не позволяет говорить о принципиальном влиянии электоральной формулы на структуру партийной системы. Однако в данном случае можно предположить, что выбор в пользу пропорциональной системы свидетельствует о более высокой роли партий – в рамках политической системы (конкурентные системы), либо как стратегии правящего режима (неконкурентные системы).

Также стоит отметить, что важными могут являться прочие аспекты избирательной системы. К таковым, в частности, относится выбор заградительного барьера, который в Украине и Молдове является минимальным (3% и 5% соответственно), а в Кыргызстане (5% и не менее 0.5% в каждом из девяти региональных образований), России и Казахстане (7%) достаточно высок. На последних выборах именно требование к региональному барьеру (0.5%) не позволило крупнейшей оппозиционной партии Ата Мекен, которая получила второе место вслед за пропрезидентской Ак Жол, пройти в Жогорку Кенеш Кыргызстана.

* * *

Распад Советского Союза привел к серьезному переформатированию карты мира. Часть из вновь образованных государств практически сразу взяла курс на присоединение к “европейскому проекту” (страны Прибалтики), другие приступили к процессу политической трансформации, не имея столь очевидного приоритета. По прошествии 20 лет можно сказать, что для многих из 12 ис-

следуемых в данной работе стран процесс демократизации, по крайней мере, на данном этапе, оказался сложно осуществимым.

Одним из последствий неоднозначного процесса транзита для постсоветских государств стала слабая развитость партий. При этом от страны к стране ситуация различается.

В данной работе автор фокусируется на двух измерениях, которые, с его точки зрения, являются определяющими для понимания природы партийных систем постсоветских стран. К таковым относится степень консолидации элит, а также роль и потенциал правящей партии. На основании этих двух важных измерений можно выделить пять типов партийных систем, которые ранжируются от вполне конкурентных систем до таких, где партии практически не играют какой-либо значительной роли в определении политики государства, будучи под контролем правящей группы.

Уникальная констелляция факторов в каждой отдельной стране имеет свое влияние на развитие партийных систем. На основе анализа набора экономических, социокультурных, модернизационных и институциональных детерминант автор демонстрирует возможное влияние на траекторию развития партийных систем.

В целом, стоит признать, что точка зрения ранних транзитологов о линейном движении к демократии при внедрении формальных демократических процедур на примере постсоветских стран оказалась несостоятельной. В частности, это выразилось в неспособности создать конкурентную систему политических партий. Более того, в целом ряде случаев партии являются для правящих режимов еще одним инструментом легитимации и авторитарной консолидации режима.

С другой стороны, многообразие типов партийных систем в указанных странах не позволяет говорить о “запрограммированной ошибке”, которая ограничивает окно возможностей для развития партийных систем. Партийные системы постсоветских стран остаются достаточно волатильными. Каждые новые выборы и целый ряд событий неэлекторального характера несут дополнительную возможность для изменения траектории динамики партийных систем.

Ключевые слова: инкумбент, доминантная авторитарная партийная система, протодоминантная партийная система, недоминантная партийная система, неконкурентная партийная система, социетальный раскол, электоральная система.

³⁸ Magaloni B. Op. cit. P. 199.

³⁹ См.: Greene K. Op. cit. P. 815.

Таблица. Детерминанты генезиса партийных систем постсоветских стран

Список стран (год выборов)	"Ресурсная асимметрия"		Репрессии	Экономическое/ретроспективное голосование		Модернизация	Этнолингвистическая фракционализация			Эффект электральной системы
	Контроль коррупции, % (всего – 100%)	Влияние государства (всего – 141 страна)		Рост ВВП на душу населения, % (за год до выборов)	Инфляция (за год до выборов)		Этнический компонент	Лингвистический компонент	Религиозный компонент	
Азербайджан (2005)	17	82	5	9	7	ВВП на душу населения, доллары США (за год до выборов)	0.2047	0.2054	0.4899	1
Армения (2007)	27	9	4	13	4		0.0453*	0.0455*	0.1014*	62
Беларусь (2008)	24	–	6	10	15		0.3222	0.4666	0.6116	1
Грузия (2008)	51	37 (2007)	4	14	9		0.2894*	0.4744*	0.2846*	38*
Казахстан (2007)	19	49	5	10	9		0.6171	0.6621	0.5898	98
Кыргызстан (2007)	8	56	4	2	6		0.4861*	0.5949	0.4470	90
Молдова (2009)	31	93	4	7	13		0.3762*	0.5533	0.5603	101
Россия (2007)	17	64	5	8	10		0.3632*	0.2485	0.4398	450
Таджикистан (2010)	20	–	5	6 (2008)	20 (2008)	751 (2008)	0.3373*	0.5473	0.2650	8*
Туркменистан (2008)	5	–	7	10	–	1903	0.2775*	0.3984	0.2327	1
Узбекистан (2009)	11	–	7	7	–	1023	0.4125	0.4120	0.2133	1
Украина (2007)	27	95	2	8	9	2303	0.3643*	0.4563*	0.6642	450

* Показатели подсчитаны автором на основе открытых данных (CIA Factbook, данные статистических государственных организаций соответствующих стран и т. д.). Показатели взяты из следующих источников: "контроль коррупции" (control of corruption) – The Worldwide Governance Indicators (WGI) Project, 1996–2008 (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp> 19.07.2010); "влияние государства" (size of government) – Economic Freedom of the World 2009 Annual Report (http://www.freetheworld.com/2009/reports/world/EFW2009_BOOK.pdf 19.07.2010); "гражданские свободы" – Freedom House; экономические показатели – World Bank; "этнолингвистическая фракционализация" – Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. V. 8(2) (http://www.anderson.ucla.edu/faculty_papers/wacziarg/papersum.html 19.07.2010); "средневзвешенный показатель размера избирательного округа" – Beck T., Clarke G., Groff A., Keefer P., Walsh P. New Tools in Comparative Political Economy: The Database of Political Institutions. World Bank Economic Review. September. 2001. P. 165–176.